

К. О. Россиянов

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ АКАДЕМИКА Д. Н. ПРЯНИШНИКОВА ЗА ГЕНЕТИКУ

Дмитрий Николаевич Прянишников (1865—1948), крупнейший агрохимик и физиолог растений, был старейшим профессором Петровской академии и уделял первостепенное внимание делу сельскохозяйственного образования в нашей стране. Среди своих многочисленных учеников Д. Н. Прянишников особо выделял Н. И. Вавилова. Известны слова Прянишникова, приведенные в воспоминаниях Л. П. Бреславец: «Николай Иванович — гений, и мы не сознаем этого только потому, что он — наш современник».¹

После окончания Московского сельскохозяйственного института (бывшая Петровская академия) в 1910 г. Н. И. Вавилов был оставлен Д. Н. Прянишниковым при кафедре частного земледелия для подготовки к профессорскому званию. По свидетельству ученика Вавилова Ф. Х. Бахтеева, «именно здесь, на кафедре профессора Д. Н. Прянишникова Н. И. Вавилов получил пример достойного отношения к науке и научной истине».² Хотя работа на кафедре была непродолжительной, Н. И. Вавилов неизменно считал себя учеником Д. Н. Прянишникова. В свою очередь Д. Н. Прянишников не раз защищал своего ученика от несправедливых нападок, особенно в период лысенковщины.

Отношения Д. Н. Прянишникова и Н. И. Вавилова предстают в совершенно новом свете, когда мы знакомимся с документами, свидетельствующими о действиях, предпринятых Д. Н. Прянишниковым после ареста Вавилова 6. VIII 1940 г. Именно Прянишников наиболее активно добивался освобождения Вавилова: хлопотал за него в Академии наук, в правительстве, а в 1942 г. совершил по тем временам беспрецедентно смелый шаг — представил арестованного Н. И. Вавилова к Сталинской премии. Однако до сих пор не было известно, что Прянишников уже в феврале 1941 г. сумел добиться приема у всемогущего наркома внутренних дел Л. П. Берии. М. А. Поповский, автор книги «Дело Вавилова», пишет о встрече Прянишникова и Берии в конце 1943 г.,³ не упоминая о первой, имевшей место в феврале сорок первого. Возможно, Прянишникову удалось этого добиться благодаря жене Берии — Н. Гегечкори, работавшей на его кафедре в Тимирязевской академии. Какие доводы приводил Прянишников в защиту Вавилова, по-видимому, останется навсегда неизвестным. Вернувшись от Берии, Прянишников узнал об аресте ближайших сотрудников Н. И. Вавилова — Г. Д. Карпеченко⁴ и Л. И. Говорова.⁵ Это известие заставило Прянишникова написать письмо Берии. Оригинал письма, по свидетельству М. А. Поповского, имеется в «деле Вавилова», («дело 1500»), хранящемся в архиве КГБ. Однако непосредственная причина, заставившая Прянишникова написать это письмо, а также дата свидания Прянишникова и Берии становятся ясны из черновика письма, в особенности того фрагмента, который не вошел в окончательный его текст.⁶

Прянишников писал:

«Многоуважаемый Л<аврентий> П<авлович>»,

Когда при свидании с Вами Вы меня спросили, а „кто же сидит, кроме Вавилова”, я не мог Вам назвать кого-либо (я говорил лишь о исчезнувших <?> иным образом, как скончавшиеся преждевременно Кольцов и Иванов⁷), я говорил лишь о том, что распространена крайне вредная боязнь высказывать мнение и даже сообщать факты, противоречащие учению Лысенко. Но так как за (*нрзб*) должно последовать возмездие, тотчас по возвращении от Вас я узнал, что арестованы сотрудники ВИРа Карпеченко и Говоров».

После ареста Карпеченко и Говорова (17 II 1941 г.) стало ясно, что дело Вавилова не только не приостановлено, но, напротив, вовлекает в свою орбиту все новых и новых невинных людей. Уже в то время ни для кого не было тайной, что аресты генетиков в возглавлявшемся Вавиловым ВИРе и в Ленинградском университете — логическое завершение той травли, которую вели против Вавилова приверженцы т. н. «мичуринской биологии». В своем письме Д. Н. Прянишников приводит убедительные свидетельства той кампании шантажа и угроз, которая была развернута против генетиков, и призывает Берию «уделить внимание этому делу и принять меры к оздоровлению этой атмосферы, в которой происходит сейчас работа генетиков и селекционеров». Единственной мерой такого «оздоровления атмосферы» могло бы быть освобождение Карпеченко, Говорова и самого Вавилова. Но настойчивые хлопоты Д. Н. Прянишникова не увенчались успехом: Вавилов был арестован и осужден с ведома и одобрения Сталина.

Из письма Д. Н. Прянишникова становится ясной та кампания травли генетики, которая развернулась в Ленинграде после ареста Н. И. Вавилова.⁸ Так, Д. Н. Прянишников пишет: «В феврале Карпеченко, профессор генетики, придя в назначенный день и час на экзамен, увидел объявление ректора, что экзамен отменяется; он пошел к ректору, тот заявляет: „Вы не так читаете, как нужно, вот осенью повторите курс по-иному (т. е. по Лысенко), тогда и назначим экзамен”. Карпеченко едет в Москву в Наркомпрос. Нарком, выслушав его, дает телеграмму, в которой ставит на вид ректору незаконность его действий и предписывает экзамен производить. Уезжая из Москвы с таким, казалось бы, положительным результатом, Карпеченко тем не менее высказал опасение, что ставленники Лысенко, писавшие о нем клеветнические статьи в газетах, поедут тоже в Москву и будут стараться повлиять на наркома. Но дело пошло не по линии Наркомпроса: экзамен состоялся, но после него Карпеченко был арестован. Тогда же арестован был и Говоров, давнишний и заслуженный сотрудник ВИРа; и в этом случае аресту предшествовал конфликт с временным директором ВИРа, ставленником Лысенко;⁹ именно при посещении ВИРа немецким профессором Рёмером¹⁰ Говоров давал объяснения своим работам правдиво, не извращая фактов в угоду взглядам Лысенко, чем и разгневал замдиректора.

Что противники Вавилова считают главной причиной его ареста научные разногласия с Лысенко, видно из того, что Шлыков¹¹ (сотрудник ВИРа, введенный туда Лысенко против воли Вавилова) хвастался тем, что это он „посадил Вавилова”, написавши на него донос, и что он этим гордится (а в доносе, по его словам, главным пунктом обвинения было, что Вавилов собрал около себя группу «реакционных» сотрудников, которые противодействовали «передовому» течению, возглавляемому Лысенко). Пусть Шлыков говорит вздор, но важно, что ему верят и никто не дает отпора — ни подчиненные, ни старшие.

Но после ареста Карпеченко и Говорова в Ленинградском университете произошли еще более странные вещи. Именно тогда же ректор вызвал Розанову¹² (профессор по кафедре генетики) и Васильева¹³ (ассистент Карпеченко по той же кафедре) и заявил, что он им должен сделать важное предупреждение, чтобы они впредь были осторожны, так как в Ленинграде было основано Вавиловым тайное общество, имеющее целью „дискредитировать передовую науку и члена

правительства”. Таким образом, он использовал свое положение ректора в целях давления на этих лиц, чтобы они излагали впредь свой предмет не так, как требует их научная совесть, но чтобы они изменили свои воззрения в желательном для ректора духе (этого же он требовал и от Карпеченко перед арестом последнего). После этого разговора Розанова подала в отставку (о поведении Васильева будет сказано ниже).

Тогда же, дня через 3—4 после ареста Карпеченко, в помещение его кафедры въехала на правах хозяйки (зам. зава) некая Поташникова (Бася Галиновна¹⁴), тоже доцент университета по одной из смежных кафедр, автор клеветнических статей против Карпеченко в местной прессе и враждебных выходов в университете. Поташникова стала вызывать к себе сотрудников кафедры и видному ученому (специалисту по цитологии) Григорию Андреевичу Левитскому¹⁵ заявила, что если он хочет сохранить свой курс в университете, то должен изменить свои взгляды... Левитский подал в отставку. Ассистент же Васильев поддался этому давлению и согласился вести преподавание по-иному (потом он в разговоре с сотрудниками кафедры мотивировал свой поступок тем, что у него большая семья и ему невозможно выходить в отставку).

Д. Н. Прянишников счел необходимым в письме Берии охарактеризовать различные стороны деятельности Лысенко: как ученого, как практика, как организатора. «Т. Д. Лысенко, — писал Прянишников, — искренне считает себя представителем новых идей в области генетики и селекции только потому, что он не знает иностранной литературы (не читает ни на одном из иностранных языков); на самом же деле в области общих оснований он тянет науку назад, к прошлому».

Д. Н. Прянишников отмечал, что представления Лысенко являются «полным воспроизведением идей Ламарка». Вместе с тем, по мнению Прянишникова, «многие утверждения Т. Д. Лысенко являются отголосками еще более старых натурфилософских представлений (таково, например, его представление «о браке по любви» у растений¹⁶), а иногда проскальзывают виталистические ноты (например, рассуждения о том, что вода в растениях — это не просто вода, а «живая вода»).

Неосведомленность в элементарных вопросах иногда достигает поразительных размеров (например, утверждение, что «лес растет без азота», или представление, что обжигание известняка — это удаление воды); вообще видно, что наличие природных способностей не возмещает отсутствия строгой школы (нет ни школы научного мышления, ни школы строгого эксперимента) — это совершенно недисциплинированный ум. Наибольший вред ему приносит непонимание размеров своего незнания, неумение провести грань между тем, что ему известно и что неизвестно. Все работы Т. Д. Лысенко похожи больше на работу любителя, кустаря-изобретателя, чем на систематическую работу ученого».

Уничтожающей критике подверг Д. Н. Прянишников практически «нововведения» Лысенко (яровизацию, поздние посадки картофеля, посевы клевера без покрова осенью, т. н. вегетативную гибридизацию¹⁷). При этом, как отмечал Д. Н. Прянишников, всякого, кто позволял себе усомниться в ценности предложений Лысенко, ждало неминуемое наказание. Так, за разоблачение лысенковских фальсификаций с прививочными гибридами «...одна очень опытная сотрудница исследовательского института была удалена со службы и, чтобы не кривить душой, променяла работу селекционера на кисть художника».¹⁸

По словам Прянишникова, Лысенко дезорганизовал работу ВАСХНИЛ: «Академия, собственно говоря, не существует: есть командир — президент и послушный ему аппарат. Собраний академиков для обсуждения научных вопросов никогда не бывает... выборов академиков не производится, да и коренной состав не выборный, а назначенный... часть академиков выбыла, также и умерли многие, тем не менее новых выборов не назначается, так как президент говорит: „Зачем мне новые академики, когда я и с этими не знаю, что делать?“».¹⁹

Установив после ареста Н. И. Вавилова (6 VIII 1940 г.) контроль над ВИРОм и став директором Института генетики Академии наук,²⁰ Лысенко по сути разрушил эти институты.

Программа, представленная новым директором Института генетики, обнаруживает поразительную скудость мысли — никакой генетики там нет, одна элементарная агротехника. В итоге одно лицо с узким сектантским направлением работ, с уклоном в ламаркизм и натурфилософию, стало во главе трех крупных институтов в СССР: Одесского генетического института,²¹ ВИРа (куда поставлен послушный директор и послушный состав сотрудников) и Института генетики Академии наук — это лицо становится монопольным руководителем всей генетики в Союзе, не будучи по существу вовсе генетиком, а лишь агротехником-эмпириком — вот результат нездорового попустительства по отношению к этому лицу. Т. Д. Лысенко уместно быть руководителем одного института (Одесского), но совершенно невозможно отдавать в его распоряжение все главные институты по селекции и генетике в стране, и даже роль президента ВАСХНИЛа ему не по плечу».

Из цитируемого письма перед нами предстает яркая и необыкновенно цельная личность Д. Н. Прянишникова. По свидетельству М. А. Поповского, Прянишников к началу 1944 г. уже знал о смерти Н. И. Вавилова, но продолжал бороться за спасение его учеников. Так, 20 июля 1945 г. Прянишников обратился к Берии с просьбой о помиловании Карпеченко.²² «Профессора Карпеченко следует отнести к выдающимся представителям работников, науки, от него можно ожидать дальнейшего крупного развития и роста. Учитывая ту пользу, которую Карпеченко принес и может принести в дальнейшем нашей родине, я обращаюсь к Вам с просьбой способствовать обеспечению возможности работы профессору Карпеченко в одном из крупных исследовательских институтов нашей страны. Применение, в связи с победой над гитлеровской Германией, указа об амнистии к профессору Карпеченко сыграло бы большую роль в усилении нашей науки и ее дальнейшем росте после великих побед над ненавистным фашизмом. В случае же, если бы закон об амнистии оказался неприложимым к делу Г. Д. Карпеченко, то по крайней мере необходимо поставить его в условия, благоприятные для работы в самой системе Наркомвнудела, чтобы его познания и дарования могли бы послужить на пользу нашей родине». Однако Д. Н. Прянишников не знал, что к этому времени Г. Д. Карпеченко уже не было в живых.

Д. Н. Прянишников и после смерти Вавилова не раз протестовал против засилья Лысенко. Так, в сентябре 1944 г. он направил в Бюро Отделения биологических наук АН СССР записку, в которой вновь высказал свое отношение к теоретическим положениям и практическим рекомендациям Т. Д. Лысенко.²³ Поскольку письмо Д. Н. Прянишникова не могло остаться без официального ответа, эту сомнительную честь взял на себя акад. Б. А. Келлер. Он не нашел ничего лучшего, как обвинить генетиков в фашизме, а самому Прянишникову посоветовал внимательнее читать «Диалектику природы» и «Анти-Дюринга».²⁴ Предотвратить торжество лысенковщины Д. Н. Прянишников оказался не в силах. Но, к счастью, ему не пришлось стать свидетелем августовской (1948 г.) сессии ВАСХНИЛ — он умер несколькими месяцами ранее.

¹ *Бреславец Л. П.* Науку он ставил превыше всего// Николай Иванович Вавилов: Очерки, воспоминания, материалы. М., 1987. С. 88.

² *Бахтеев Ф. Х.* Николай Иванович Вавилов. Новосибирск, 1987. С. 35.

³ См.: *Popovsky M.* The Vavilov affair. Hamden, 1984. P.169—171.

⁴ Г. Д. Карпеченко (1899—1942) — генетик и цитогенетик. В 1925 г. был приглашен Н. И. Вавиловым в ВИР, в котором организовал и возглавил лабораторию генетики. В 1932 г. организовал в Ленинградском университете кафедру генетики растений. В октябре 1929 — феврале 1931 гг. Г. Д. Карпеченко работал по Рокфеллеровской стипендии в США в лабораториях Т. Г. Моргана и Э. Бэбкока. Г. Д. Карпеченко был арестован 17 II 1941 г. (сообщение Д. В. Лебедева) (См.: *Лебедев Д. В.* Георгий Дмитриевич Карпеченко//Выдающиеся советские генетики. М., 1980. С. 37—48;

Рубцова З. М. Значение работ Г. Д. Карпеченко для развития эволюционной цитогенетики // Из истории биологии. М., 1973. № 4. С. 148—159.

⁵ Л. И. Говоров (1885—1941) — ботаник и селекционер, заведующий секцией бобовых культур ВИРа, профессор кафедры генетики растений Ленинградского университета. Был арестован в один день с Г. Д. Карпеченко (17 II 1941 г.).

⁶ Архив АН СССР (ААН), ф. 632, оп. 4, ед. хр. № 4, л. 14.

⁷ Н. К. Кольцов (1872—1940) — основоположник экспериментальной биологии в нашей стране, чл.-кор. Российской АН с 1916 г., акад. ВАСХНИЛ с 1935 г., создатель и директор Института экспериментальной биологии в Москве. Скоропостижно скончался в Ленинграде 2 декабря 1940 г.

Н. Н. Иванов (1884—1940) — биохимик растений, организатор и руководитель биохимического отдела ВИРа, заведовал кафедрой микробиологии в Ленинградском университете. Н. Н. Иванов умер 3 декабря 1940 г.

⁸ ААН, ф. 632, оп. 4, ед. хр. № 4, л. 1—10.

⁹ Исполняющим обязанности директора, а позднее директором ВИРа (1940—1951) стал И. Г. Эйхфельд (1893—1989), агроном и селекционер, акад. ВАСХНИЛ с 1935 г., чл.-кор. АН СССР с 1953 г. Ему принадлежит главная роль в разгроме научных кадров ВИРа.

¹⁰ Т. Рёмер (1883—1951) — немецкий растениевод и селекционер, профессор университета Мартина Лютера в Галле, директор Института растениеводства (там же).

¹¹ Г. Н. Шлыков (1903—?) — ботаник, заведующий отделом интродукции ВИРа. Активный лысенковец, возглавлял совместно с С. Н. Шунденко антивавилонскую оппозицию в ВИРе. На IV сессии ВАСХНИЛ (декабрь 1936 г.) обвинил Вавилова в том, что он якобы пытается «опровергнуть дарвинизм, взорвать его изнутри» (см.: Спорные вопросы генетики и селекции: Работы IV сессии ВАСХНИЛ. М.; Л., 1937. С. 223). Известно, что уже 7 VII 1938 г. Шлыков направил начальнику райотдела НКВД доклад на Вавилова (см.: *Медведев Ж. А.* История биологической дискуссии в СССР (1929—1966). М., 1967. С. 130—131. Рукопись). После ареста Вавилова Шлыков был репрессирован, но вскоре вышел на свободу.

¹² М. А. Розанова (1885—1957) — ботаник и генетик, заведующая секцией ягодных культур ВИРа (1925—1940), профессор по кафедре генетики растений Ленинградского университета (1933—1944). После ухода из ВИРа была профессором по кафедре ботаники Педагогического института им. А. И. Герцена (1940—1948), после августовской (1948 г.) сессии ВАСХНИЛ была уволена, до 1950 г. работала в Главном ботаническом саду АН СССР (см.: *Стрелкова О. С.* Памяти М. А. Розановой // Ботан. журн. 1958. Т. 43, № 10. С. 1502—1509).

¹³ Б. И. Васильев (1904—1943) — генетик и цитогенетик, был секретарем кафедры генетики растений Ленинградского университета. Умер во время блокады. (Сообщение Д. В. Лебедева).

¹⁴ Б. Г. Поташникова — ботаник и селекционер, доцент Ленинградского университета с 1932 г. Активная сторонница Лысенко, пропагандировала внутри- и межсортовое скрещивание как способ улучшения сортов сельскохозяйственных культур. В своих работах пыталась доказать (так же как Н. И. Ермолаева и Т. К. Енин) несостоятельность менделевского соотношения 3:1. На совещании в редакции журнала «Под знаменем марксизма» (7—14 X 1939) бросила в адрес генетиков знаменательное обвинение: «На основе ваших объяснений ничего сделать невозможно, и ваша теория — это какая-то теория поражений, а не теория побед» (см.: Под знаменем марксизма. 1939. № 11. С. 215). После ареста Г. Д. Карпеченко Поташникова руководила работой его кафедры.

¹⁵ Г. А. Левитский (1878—1942) — цитолог и цитогенетик, ученик С. Г. Навашина, чл.-кор. АН СССР с 1932 г. В 1925 г. был приглашен Н. И. Вавиловым в ВИР для создания там лаборатории цитологии, был профессором кафедры генетики растений Ленинградского университета. Г. А. Левитский четырежды подвергался аресту (в 1907, 1933, 1937, 1941 г.), умер в заключении (см.: *Прокофьева-Бельговская А. А.* Григорий Андреевич Левитский // Выдающиеся советские генетики. М., 1980. С. 24—35; *Рубцова З. М.* Развитие эволюционной цитогенетики растений Г. А. Левитским и его школой // История и теория эволюционного учения. Л., 1973. С. 101—112; *Бабков В. В.* Выступление на «круглом столе» по истории генетики // ВИЕТ. 1988. № 2. С. 109).

¹⁶ Согласно представлениям Т. Д. Лысенко, при оплодотворении происходит избирательное соединение гамет, приносящее наибольшую пользу данному виду.

¹⁷ Д. Н. Прянишников категорически возражал против употребления термина «вегетативная гибридизация». В своем письме в Бюро биологического отделения АН (13 IX 1944 г., см.: ААН, ф. 1521, оп. 1, ед. хр. № 289, л. 2—3) он следующим образом характеризовал возникающую при этом терминологическую путаницу: «Для меня это сочетание взаимно исключающих друг друга понятий звучит также как „горячий лед“ или „сухая вода“. Никакие ссылки на общепринятость этого выражения не убедительны, так как гибриды — это продукт полового процесса, а вегетативное размножение есть путь бесполого размножения; если будут констатированы действительные (а не мнимые) изменения форм под влиянием прививок, то это будут или фенотипические изменения, или мутации (если явление окажется наследственным), а не гибриды».

¹⁸ Д. Н. Прянишников имел в виду Т. В. Асееву (Сообщение А. И. Атабековой), селекционера и растениевода. На совещании в редакции журнала «Под знаменем марксизма» (7—14 октября 1939 г.) Т. В. Асеева публично разоблачила фальсифицированные опыты, будто бы доказывавшие вегетативную гибридизацию у картофеля (см.: Под знаменем марксизма. 1939. № 11. С. 123)

¹⁹ Т. Д. Лысенко всячески избегал проведения в ВАСХНИЛ свободных выборов новых академиков. Уже в ходе подготовки к августовской (1948 г.) сессии ВАСХНИЛ Совет Министров СССР назначил 15 июля 1948 г. 35 новых академиков ВАСХНИЛ, что позволило Лысенко завоевать боль-

шинство в ВАСХНИЛ. Список из 33 кандидатур был составлен самим Лысенко (см. его письмо в правительство: ЦГАНХ, ф. 8390, оп. 1, ед. хр. № 2284).

²⁰ Т. Д. Лысенко был избран директором Института генетики Общим собранием АН СССР 29 XII 1940 г., однако контроль над институтом был установлен им уже несколькими месяцами ранее.

²¹ Т. Д. Лысенко возглавлял Всесоюзный селекционно-генетический институт в Одессе начиная с 1936 г.

²² ААН, ф. 632, оп. 4, ед. хр. № 4, л. 17—17 об.

²³ ААН, ф. 1521, оп. 1, ед. хр. № 289, л. 1-5.

²⁴ Там же, л. 6—15.